
ПСИХОЛОГИЯ МАСС

В. В. Корнильев

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ МАСС В СОСТАВЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. Феномены масс и толп определили интенсивное развитие психологии масс как отдельной отрасли психологической науки. Начиная с работ И. Тэна, Г. Тарда, Г. Спенсера исторический материал осмысливается с философской, социологической и психологической точек зрения. Тем не менее, значительная работа, производимая социальными психологами, во многом непродуктивна. В работах М.–Л. Рукетта, С. Московичи, Э. Канетти производится множество классификаций, выделяется большое количество локальных механизмов, однако не имеется достаточной интеграции с мировыми психологическими направлениями. Сформировавшиеся психологические направления и психология масс развиваются слишком независимо. Вопрос психологии масс рассматривается, тем не менее, частным образом в классическом психоанализе, аналитической психологии, трансперсональной психологии и т.п. Полноценное взаимодействие данных направлений с социальной психологией исключает ряд проблем и вопросов социальной психологии. Разобщенность направлений и разделов укрепляет проблемы концептуализации и терминологии. Значительный прорыв можно наблюдать в ходе соотношения аналитической психологии с современными достижениями в изучении масс в системе социальной психологии.

Ключевые слова: психология масс, социальная психология, аналитическая психология, толпа, социология, психоанализ, индивид, коллективное бессознательное, коллективная душа, архетип.

Постановка проблемы

Мы начинаем данную статью с обращения к вопросу изучения масс, так динамично преобразующемуся последнее столетие. Сам вопрос, судя по всему, возник и несколько раньше, однако его изменчивость и непостоянство, более того, неоднозначность позволяют несколько пренебречь датами, даже если будет необходимо историческое соотношение и сравнение взглядов и подходов к вопросу о массах. Сами подходы и точки зрения на процесс изучения масс вызывают массу вопросов и критики, как с точки зрения метода, так и с точки зрения здравого смысла.

Неоднозначно многое: расположение вопроса в системе наук и в системе отраслей одной науки, необходимость его зависимости или автономности по отношению к иным концепциям, имеющимся в архиве определенной науки, степень этой необходимости. Правомерность методов применя-

емых для добывания эмпирического материала и принципы построения гипотез, а так же особое значение имеет вопрос терминологии. Все вышеперечисленное создает необходимость проведения анализа истории и перспектив психологии масс как раздела социальной психологии. В современной динамично развивающейся науке выбор правильного направления, четкое определение сферы активности, целей и задач особенно необходимы. В противном случае есть риск высоких трудовых затрат, не имеющих никакой, или имеющих незначительную ценность.

То, что здесь описывается — это попытка ответить на ряд представленных замечаний. Мы попытаемся определить не только возможное направление развития имеющихся проблем и способы их решения, но так же их взаимную связь, которая одновременно усложняет, но и диалектически упрощает и уточняет вопрос, делая некоторый ответ на него единственным и наиболее очевидным, а его самого качественно новым.

Сама по себе задача отражает структуру вопроса, поэтому ее масштабы и свойства будет легче понять, определив, скажем, область исследований. При изучении вопроса мы будем касаться не только трудов ученых, занимающихся психологией масс, но и социологов, социальных психологов, историков, философов, психологов.

Используя труды таких ученых как Сципион Сигеле, Гюстав Лебон, Хоссе Ортега-и-Гассет, Рукетт, мы должны будем определить осевые вопросы, общие возникающие проблемы исследований и соотнести их с историей и направлением развития вопроса. Также будет необходимо соотнести их с положением психологии масс в системе наук. Однако, отличие от какого либо иного автора, пишущего на данную тему и использующего достижения тех же наук, которые мы выше перечислили, заключается в том, что мы будем реже пользоваться их конкретными достижениями, запасами собранной эмпирики и суждениями, а попытаемся использовать то концептуальное, что определяет их суть и суть связи с психологией масс. Затем, завершив критику развития, мы должны будем обосновать ее, показав перспективность и прогрессивность более глубокой интеграции в психологию масс современных психологических направлений. Для этой задачи мы проведем соотношение проблем и вопросов современной психологии масс с концепцией аналитической психологии.

В конечном итоге нам понадобится добавить несколько слов о том, почему проблемы, рассматриваемые нами в психологии масс, были не только в ней сгенерированы, но и не получили в своем разрешении поддержки от смежных наук и дисциплин. То есть, почему достижения наук, к которым мы обратимся для решения вопроса, не достигли поставленной нами цели в процессе естественной интеграции наук и научных областей, и отраслей. А также необходимо обратить внимание на своевременность конкретно нашей работы, какое историческое преобразование определило ее появление.

Особенности положения в среде других наук

Первым делом мы перейдем к тому множеству проблем, которые возникают в связи с неопределенностью положения психологии масс в научном мире и ее способе существования в нем. Как таковая психология масс является отраслью психологической науки, там она была оформлена и официально

приобрела свое место для дальнейшего развития и перенаправления. Вместе с тем ее место в социальной психологии прочно закрепило за ней связь с социологией, а эта связь в свою очередь протянулась к истории и философии. Такая интеграция без сомнения помогла психологии масс резко набрать темпы своего развития, вобрать огромное количество эмпирики, принять широту взглядов и многообразие позиций. Быстро окрепшая и воодушевленная психология масс продолжала своё развитие в лоне социальной психологии. Однако это такое её положение является крайне парадоксальным и неоднозначным. В этом легко убедиться, если произвести хоть приблизительное сравнение «поведения» психологии масс с «поведением» иных разделов данной отрасли психологии, а также разделов каких либо иных отраслей психологии.

В социальной психологии иные разделы имеют две отличительные черты. Первая — в своем масштабе они, возможно, несколько уступают психологии масс, вторая — каждый из них с трудом способен к самостоятельному существованию, а имеющиеся междисциплинарные связи более ограничены, они редко переходят границы психологической науки. Первой черте мы придаем минимальное значение, ибо мы не можем дать себе отчета о количественных и качественных перспективах каждого из них. Однако вторая является более важной. Конечно, социальная психология сама по себе не может отрицать собственную связь с социологией, однако вместе с тем настолько же сильное значение имеют и собственно психологические направления и походы. Каждый из отделов определяется не только внутренними разработками социальной психологии и социологии, но и каким либо из направлений, типа психоанализа, когнитивной психологии, гуманистической психологии, психологией управления, которая в свою очередь так же определяется тем или иным психологическим направлением, и т.д. Иные же дисциплины, такие как философия, история, имеют более ограниченное, и точнее даже, косвенное влияние на разделы социальной психологии. Они будто более психологизированы. Такие разделы реже испытывают недостаток основательности в своих положениях, преимущественно каждый из них имеет несколько «пожилых адвокатов» в лице того или иного психологического направления.

Аналогичные замечания свойственны разделам иных психологических дисциплин. Будем ли мы рассматривать психологию восприятия, дифференциальную психологию или психологию личности,

каждая из них проявит в себе четкое основание. Основание, разработанное тем или иным психологическим направлением. Или представит изучающему его одним из возможных. В связи с этим, внутри каждого из разделов не возникает споров о правомерности использования того или иного термина, не возникает трудностей при адаптации термина из одной области знания к другой. Так как области интеграции знаний в этих случаях четко определены и не допускают чрезмерной интеграции так же хорошо, как и предоставляют ее в достаточной степени для качественного обоснования различных положений.

Какова же картина взаимосвязей имеется у психологии масс? Как мы уже отметили, к массам особенный интерес проявляют кроме социологии и психологии еще и история, и философия. Это логично и закономерно, ибо массы, непосредственно связываемые с феноменами культуры, цивилизации, власти, эволюции, прогресса и проч., оказываются под прицелом множества философов, философий и хроники.

Справедливости ради надо отметить, что определенный интерес для философии могут представлять и иные разделы социальной психологии, изучающие, скажем, взаимодействие в команде или между рабочими коллективами. Однако для человека, часто сталкивающегося с философией, не секрет, что вопросы малых и средних групп часто в ней проскакивают как бы между делом, только мыслитель ставит вопрос о некоем аспекте взаимодействия двух людей, как тут же ряд соображений под видом очевидных аналогий, начинает применяться для объяснения общественных явлений. А действительные, или хоть сколько значимые замечания, затем более не применяются. Философы достаточно быстро перемещаются от индивида к массе и обратно, а в действительности это и не приводит к ощутимым погрешностям, ибо намного существеннее оказывается их внимание к явлениям непосредственно масс и индивидов.

К каким же последствиям приводит связь подобного рода. Очевидно, что таковая связь является залогом большей зависимости в развитии психологии масс от философии и истории. Связь же с психологией если и не теряет своей значимости, то пропорционально теряет внимание исследователей к ней, а это в свою очередь отдаляет и делает более расплывчатой связь с конкретными психологическими направлениями. Как же возможно в таком случае определение психологии масс как раздела социальной психологии. Оторванная

в одинаковой степени от множества наук, каждая из которых имеет ныне приблизительно равное на нее влияние, психология масс потеряла способность к адекватному зависимому существованию и претендует на гораздо большую автономность и независимость. Она более не пользуется авторитетами и позволяет разрабатывать себя многим специалистам, в том числе и социологам, и философам. Но обозначать это не было бы необходимо, если эти исследователи ограничивались бы одни — определением корреляций, другие — определением смысла. Однако и те и другие ставят вопрос о механизмах функционирования толпы¹, о ее механизмах возникновения, переводят эти вопросы из одной области знания в другую, по случаю привнося некоторые термины и концепции. Однако это влияние в определенной степени адекватно и закономерно. Проблема же, определяющая наши задачи, заключается в том, что сама социальная психология приняла за правило этот значительный уровень автономности психологии масс. Это определило то, что концепции внутри психологии масс продолжили формироваться независимо в социальной психологии и различных направлениях психологии вообще.

Такая ситуация исключительно многогранна в своих проявлениях. С одной стороны, наука имеет множество подходов к изучению феномена масс. Притом это многообразие является взаимодополняющим. Массы как бы оказываются заключенными в двустороннюю обработку. С одной стороны, происходит сбор фактов, их осмысление, придание им значения, определение их роли и определение взаимосвязей между явлениями (история, философия, социология соответственно). С другой стороны, происходит генерация объяснений феноменов толпы внутри определенных направлений психологии, например психоанализа Фрейда² или гуманистической психологии Фромма³. Эти направления развивают собственное понимание толпы, исходящее из их базовых положений. Разумеется, исследователи этих направлений соотносят собственные концепции с той же эмпирикой, и даже в некоторой степени с разработками вышеперечисленных

¹ Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М.: Академический проект, 2011. 125 с.

² Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». М.: Прогресс, Литера, 1992.

³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ Москва, 2006. 635 с.

наук. Однако их инициатива является внутренней, то есть, вызвана собственной необходимостью в целостном прорабатывании человеческих феноменов. Они все же автономны.

Но что же можно сказать о социальной психологии. Автономна ли она? Увы, да. Подтверждение тому и обоснование нашего разочарования заключаются вместе в проблемах современной психологии, занимающейся вопросом масс. Яркой иллюстрацией является книга Рукетта «Познание масс». Этот вне всякого сомнения пронизательный труд является отличной иллюстрацией того, в какой ситуации оказалась социальная психология при изучении масс. Автор выявляет ряд центральных проблем, сложившихся в процессе познания масс и присутствовавших в нём постоянно. В том числе разногласия в понятиях, используемых различными авторами, отсутствие однозначных основательных теорий к вопросу о формировании и функционировании масс, сложности понимания информационной динамики в массе. От себя мы добавим: отсутствие вопроса о природном назначении масс, их роли в живом мире. На уровне здравого смысла вопрос очевиден, ибо нецелесообразного в природе не встречается, однако многие авторы не ставят этот вопрос в принципе.

Наша точка зрения заключается в том, что именно автономность социальной психологии в этом вопросе и его доступность для изучения некоторыми иными науками стали причиной образования и укрепления этих проблем при попытке социальной психологии объяснить феномен человеческих масс.

Та неблагоприятная доступность изучения проблемы масс иными науками, относится, прежде всего, к философии и, вероятно, социологии. Сама по себе деятельность этих наук в отношении обсуждаемой задачи и целесообразна, и правомерна. Осмысление феноменов с философской точки зрения крайне необходимо, но как мы упомянули выше, иногда сами философы, а иногда и социальные психологи, используют философский тип суждения для объяснения и описания психических механизмов масс. В итоге такой деятельности в философии разрабатываются и проникают, и возвращаются в социальной психологии суждения, создающие лишь видимое причинно-следственное разъяснение вещей, которое, в сущности, является по-философски более оценочным и осмысляющим. Здесь же обнаруживается и отрицательное влияние социологии, которая, с одной стороны, дает богатое представление о событиях жизни масс, щедро

снабжает нас эмпирикой. Но, к сожалению, этот опыт социологии в качестве основания использует именно философия, что время от времени, когда в нем пытаются обнаружить причинно-следственные связи, приводит к исследовательской неудаче как философию, так и социологию.

И все же, если мы желаем быть справедливыми, то надо отметить, что подобное влияние наук встречается довольно часто. Сегодня ученый часто ставит себе задачу наиболее целостного и всестороннего изучения некоего объекта, пользуется достижениями наук, ранее не предполагавших между собой связи, и так или иначе несколько из них будут доминировать и оказывать свое влияние и на принцип рассуждения, и на терминологию, и на понимание объекта исследования. Но наша ситуация несколько иная. В других случаях и среди доминирующих наук будет четко выделяться та, что задала вопрос, которой, вероятно, относит себя исследователь. Эта наука, скорее всего, определит понимание объекта. В нашем случае таковая наука отсутствует. То есть она существует под видом социальной психологии, но своей функции не выполняет. Но только в случае такого нормального функционирования становится целесообразным расширение области используемых знаний, привлечение к исследованию опыта других наук и частные модификации хода изучения по их образцу. В ином случае мы имеем описанный случай: сложности терминологии, смещение целей, безосновательность.

С другой стороны, предложив все вышеизложенную критику, которую мы впоследствии продолжим, следует определить: чего же нужно ожидать от социальной психологии в этом вопросе, что нужно требовать? Как может она измениться, чтобы сделать все замечания несодержательными.

Необходимо поддержать два процесса: первый — снятие с себя определенного ряда задач, которые способствуют более сильной интервенции других наук в социальную психологию, второй — привлечь к решению проблем психологические направления, что придаст основательности суждениям и снимет также ряд вопросов, которые будут решаться уже внутри привлекаемых психологических направлений. Этот странный путь «обеднения» социальной психологии должен будет привести к ее централизации и последующей реинтеграции наук связанных с ней. В данном случае мы говорим именно о задачах, которые либо решаются силами связанных наук, либо являющихся следствием этих связей.

**Трудности терминологии
и концептуализации**

Для более глубокого понимания мы рассмотрим ряд примеров. Проблема, которую мы условно называем «индивид и масса», встречается во множестве трудов. Нам трудно также привести пример рукописи, в которой она не встречается. Это вопрос о том, что должно стать отправкой точкой при изучении свойств и характеристик масс, механизмов действующих в массе и формирующих ее. Пройдя вековой путь, эта проблема так и не вышла в своих решениях за пределы простой комбинаторики. Сигеле, Лебон, Фрейд, Рукетт определили свои предположения в трех вариантах. Первый — свойства толпы являются производными свойств индивида, оказавшегося в необходимых условиях. Второе — толпа есть особое природное формирование, которое приводит к возникновению определенных свойств у индивида. И третье — свойства и характеристики толпы формируются на границе взаимовлияния свойств индивида на предопределенные природой свойства толпы. Надо надеяться, что ссылка на комбинаторику в глазах науки не слишком принижает теорию, однако следующее из нее отсутствие оригинальности предопределяет ее неточность и безуспешность, особенно в рамках психологической науки, в которой, как показывает ее короткая история, консерватизм и привязанность к стабильному, то есть инертность взглядов, способствует затуханию.

Такое положение психологии толпы предопределили, по всей видимости, именно ее связи с перечисленными выше науками. Понятия индивида и толпы, как мы обратим внимание ниже, не столь противоположны и не обязаны предполагать антагонизм или соперничество вместо кооперации и сонаправленности функционирования. Такое разделение пользуется успехом в социологии или философии, оно удобно для поставленных в них задач. Но для определения механизмов и причинно-следственных связей его адаптировать не удалось. В связи с чем, ни одна из «дихотомий» не произвела достаточно основательного суждения для объяснения поведения масс.

Проблемы терминологии проявляются не только в связи с избыточным влиянием других наук, но и в связи с недостатком влияния психологических концепции. В социологии понятия массы и индивида достаточно четко разведены и определены. Также имеется ряд приближений связанных с определениями малых групп, групп,

общностей и т.д. С другой стороны, те же понятия, определенные в гуманистической, аналитической, глубинной психологии, при общем рассмотрении вопроса о массах, в расчет не берутся. Хотя именно за ними закреплены задачи: объяснить и описать.

Точно такая же проблема преследует иную пару часто обсуждаемых понятий: масса и толпа. Изначально объектом, привлекающим большее внимание, была именно толпа, более ярко о себе заявляющая в ходе истории. Собираение фактов о свойствах толпы изначально формировало и ее собственное независимое определение. Однако авторы второй половины двадцатого столетия пришли к необходимости рассмотреть и определить толпу во взаимосвязи с феноменом массовости. С философской точки зрения массовость является более сложным понятием, либо ее проявление и следствия весьма неоднозначно выражаются в культуре и цивилизации, в отличие от толпы, которая хоть и обладает противоречивыми свойствами и, в сущности оставляет неопределенным свое назначение, оценивается авторами более коротко и без усложнений. Так поступают, например, Канетти и Рукетт. Они разделяют эти понятия или говорят об одном как о частном случае другого соответственно.

Мы добавим здесь, что сложности, которые испытывают авторы при попытке приемлемо для своей концепции определить эти понятия, возникают, в сущности, из-за социологического понимания индивида, личности и общества. Это препятствует тому, что бы определение масс и толпы естественно произошло из определения индивида и передало им свой необходимый психодинамический компонент.

Таким образом, можно заключить, что понятийный аппарат, используемых социальной психологией наук, должен быть отобран более тщательно, и должен предупреждать возникновение помех, связанных с различиями в цели и предназначении самой социальной психологии и любой иной науки.

Однако проблемы терминологии не исчерпываются сложностями в определении того или иного необходимого понятия. Непроизвольное усложнение задачи возникает и при привнесении слов, в которых изначально нет необходимости. Хотя они, видимо, появляются в вопросе априори, еще до начала разбора самого вопроса. Таковыми могут являться, например, «авторитет» и «послушание». Рукетт тщательно рассмотрел эти понятия и пришел к выводу, что «в коллективном представлении, являющимся поддержкой и трафаретом индиви-

дуальных социальных представлений, авторитет рассматривается исходя из послушания»¹. Однако мы можем задать вопрос: откуда в трудах о психологии масс эти категории возникли? Искать их корни — бессмысленная задача, а вместе с корнями затерялась в истории и причина появления на сцене этих двух категорий. Нет необходимости их опровергать и пытаться низложить, но нужно понять мотивы самого Рукетта на пользование данными категориями, о которых он сам говорит как о фундаментальных категориях политической жизни. И мотивы ученых, причастных к укреплению их в психологии масс, на которых опять же ссылается Рукетт. Нет сомнения, что в социологии эти понятия хорошо служат простоте и доступности описания действительности, характеристике процессов. Но надо быть однозначно строгим при использовании терминов, необходимость которых туманна или вовсе лишена смысла. Это приводит к сужению и одеревенению мышления. Инертность незаметно встанет на место оригинальности, что недопустимо.

Определенный отпечаток на ход мысли наложило и понятие «агрегата» толпы. Этот пример представлен по причине своей яркости и хитрости влияния. Понятие «агрегат», вероятно, вошло в психологию масс еще в XVII веке, благодаря эйфории физики и успехам его употребления в трудах социологов. Сигеле упоминает его в трудах Спенсера, Конта, Шопенгауэра². Казалось бы: очевидный факт, что если люди соединяются в массу, ярко и однозначно себя проявляющую, то в каждом из членов заранее существовало некоторое идентичное или сходное содержание, давшее возможность агрегату сформироваться. Иные, не обладающие этим качеством в достаточной степени, успешно сопротивляются включению в толпу.

Также ориентирование на понятие «агрегат» обязует нас связать между собой характеристику членов толпы, ставшей основой для объединения, и направленностью действий толпы. Именно так поступают вышеупомянутые авторы. Тогда как если мы будем осторожнее, то допустим диалектическое развитие связей из количественных в качественно новые. Можно даже предположить, что существующей закрепленностью мы обязаны классовым и кастовым делениям, характеристикам

революций как буржуазных или пролетарских и другим подобным обобщениям масс. Это приводит к тому, что в философии и в науке как активный тактический элемент используется схема общества. Применяются понятия иерархии, вертикальной структуры, упомянутые «послушание» и «авторитет» и т.п.

Попытки решить проблему функционирования, возникновения и существования толпы с опорой на термины социологии привели его к тому, что сам феномен толпы перешел из разряда антропологического или психического в разряд социального или исторического. Так получилось у Лебона в его «Психологии масс». Когда мы говорим об историческом и социальном, мы, разумеется, не исключаем психологического, но там обнаруживаемые механизмы никогда не будут достаточно основательными. Они не интегрируются в сложные, комплексные теории. Перед исследователем попросту не стоит такая задача. А в итоге, выявление подобных закономерностей напоминает временный шов. Необходимый, но который ныне должно убрать. Потому даже при правильной постановке вопроса и неоднократном к нему возвращении, ученый все также неоднократно возвращался из области психологического вопроса в область социологического ответа.

Так понятия бессознательного стимулирования, массового реакционного внушения, «психического заражения»³ относятся к области психического. Однако все эти предлагаемые ответы остаются как бы неинтегрированными в психологию, так как их обоснование по сути социологично. Оно обращается к фактам, статистике, но не к психике. В итоге, как известно, мысль Лебона продолжил и по-своему завершил Фрейд, но уже как комплектацию собственной концепции. Таким образом, в области социальной психологии мало чего осталось как от Лебона, так и от Фрейда.

Таковы наши замечания в отношении влияния социологии на развитие социальной психологии. Золотая середина еще не найдена. Это мешает оформиться психологии масс как полноценному разделу социальной психологии. Терминология и вопросы психологии масс не выражают ее психологичности. Для этого необходимо более кропотливое изучение и соотношение представлений о психологии масс в различных направлениях психологической науки. Многообразие точек зре-

¹ Рукетт М.— Л. Познание масс. Очерки политической психологии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 272 с.

² Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М.: Академический проект, 2011. 125 с.

³ Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический Проект, 2012. 240 с.

ния, безусловно, не даст нам сформировать некие усредненные понятия, достаточно абстрактные, чтобы быть принятыми во всех этих направлениях, и достаточно конкретные, чтобы от них была хоть какая-то польза. И потому вопрос золотой середины должен быть снят. Слишком широка и криволинейна та область, середину которой необходимо найти.

Но многообразие подходов и взглядов должно быть представлено тщательно. Если составить представление о понимании этой проблемы Юнгом или Грофом, определить взгляды гуманистических психологов и психоаналитиков, то множество вопросов будут сформированы более точно, а иные исчезнут вовсе. Например, вопросы познания масс или зависимости качества массы от ее состава. Пока продолжим говорить в теории, но далее мы рассмотрим влияние такого рода.

Несмотря на то, что многообразие помешает нам задаться созданием «золотого центра», мы, так или иначе, продвинемся в решении и этой задачи. Ибо привлекая к большему взаимодействию психологию масс, различные психологические направления, а так же социологию, мы усложняем и модифицируем психологию масс как существенный критерий оценки психологических направлений. Это поможет в дальнейшем в интеграции подходов к пониманию психики, исключению нелепицы и архаизмов. Что-то подобное произошло в последние тридцать лет с трансперсональной психологией, которая, не претендуя изначально на сверхточность и академичность, рискнула ассимилировать в себе огромное количество одновременно научного, культурного и мистического опыта. Ныне же она уверенно и стабильно развивается¹. Возможно, психология масс станет еще одним ключом к отбору и интеграции в науку, а это в свою очередь сократит и упорядочит множество, и позволит создать тот самый «золотой центр» с хорошей терминологией и ясными задачами и тенденциями.

О влиянии философии. Два артефакта

Перед тем как переходить к конкретному примеру, нужно разобраться во влиянии, которое философия могла оказать на психологию масс. Конечно, философия имеет значительные права влияния на психологию, но мы коснемся только

¹ Друри Н. Трансперсональная психология. М.: Институт общегуманитарных исследований; Львов: Инициатива, 2001. 208 с.

некоторых положений, чье негативное влияние на вопросы психологии масс будет очевидно в нашем примере. Это в каком-то смысле артефакты психологии. К таковым относятся явление «регресса» и придание значимости идеям политиков, философов, влияющим на состояние масс, и значимости интеллектуального сознания в принципе.

Идея регресса непосредственно связана с содержанием идеи развития и эволюции в философии, и потому укоренена очень давно и прочно. Когда говорят о качественном преобразении людей в толпе, то непременно употребляют понятие регресса. Это делается независимо от характера толпы, ее направленности и свойств.

Конечно, огромный опыт наблюдения людей в массе дает такое право. При оценке последствий все выглядит однозначным. Толпа трудноуправляема, интеллектуально примитивна, опасна в коммуникации, даже положительно настроенная может причинить огромное количество бед. Она, по мнению некоторых, является примером взаимодействия и активности на более ранних этапах развития человека. С этим положением спорить достаточно трудно. Регресс действительно очевиден. Как простое возвращение на более ранний этап развития, при отсутствии негативной оценки он и правомерен. Однако здесь мы зададим вопрос, который, как мы сказали, исследователи, бывает, опускают при предположении некоей закономерности или механизма. В чем его предназначение? И это тем более актуально в отношении механизма регресса, который в оплату своей основательности должен доказывать необходимость и значимости прогресса.

В случае разговора об индивидуальности ученые находят множество различных обоснований. Однако это делается в условиях внутреннего развития того или иного направления. Направления достаточно автономного и масштабного. Именно это в очередной раз указывает нам на необходимость большей ассимиляции психологических направлений психологией масс.

Второй вопрос вытекает из первого. Что позволило в очередной раз миновать этот вопрос без достаточного основания. Невозможно несколько раз сослаться на случай или недобросовестность. Причина заключается в консервативном понимании феноменов массы и толпы. Отсутствие диалектического осмысления этих понятий привело к тому, что каждое из них было рассмотрено как некое состояние, нечто вроде ограниченного набора агрегатов. Это очень заметно, если посмотреть

на оценку действий и последствий толпы и массы. Редкостью является упоминание о влиянии «опыта толпы» на ее участника. Рукетт рассуждает о политике, экономике, экологии, культуре, но не о человеке. Может создаться ложная видимость этого, так как о влиянии феномена масс на человека написано много и добросовестно. О том как «опыт толпы» преобразует человека или массу не делается и предположений.

Только после изучения этого феномена мы сможем говорить о регрессе или прогрессе в полном смысле слова, и понять: уместно ли здесь это вообще. Для самих же себя надо отметить, что диалектический взгляд на вещи, сам по себе исключает понятие регресса. Если мы рассматриваем объект в динамике диалектически, то это невозможно, если только не повернуть время вспять. Но к такому пониманию вещей ведет не только философия. К этому склоняет в целом понимание какой либо отдельной области реальности как системы. Всякая совокупность объектов реальности, формирующая отдельную систему, является саморегулирующейся. Происходит длительный цикл: обретение системой равновесного состояния, накопление дефектов, выход из равновесного состояния, обретение нового состояния равновесия. Но это, если проводить полноценную аналогию, может не только оправдать необходимость диалектического взгляда на понятия массы и толпы, но и исключить всякий смысл такого разбора. Ибо равновесие может либо быть, либо не быть. Поэтому мы все же продолжим говорить о диалектическом подходе, который сохранит родство философии и психологии.

Второй артефакт — это устоявшееся представление о мере значимости для массы интеллектуального сознания и идей, развиваемых философами и политиками. Первое, что вызывает сомнение, это логика воздействия. Надо принять во внимание, что интеллектуальное сознание является наиболее поздним человеческим приобретением, если опираться на заметки трансперсональной психологии. Его же человек «лишается» на время своего пребывания в толпе. Но оно же является проводником того, что должно оказать воздействие на массу. Уже здесь мы видим необъятное количество ничем не обоснованных утверждений и допущений.

Разумеется, психоанализ нам рассказал многое о механизмах такого рода и формах воздействия. Информация проникает в бессознательное и оттуда может оказывать стимулирующее и координирующее воздействие. Имея относительно одинаковое

содержание бессознательного, люди одного уровня интеллектуального и культурного развития формируют однородную массу или толпу. Эта однородность теоретически должна определить характер множества. Однако в толпе, так или иначе, оказываются люди, резко выделяющиеся из общей массы, которые ведут себя также. Это традиционно объясняют неким «заражающим» эффектом, внушением, бессознательной однородностью. Ответ «некий» науку не удовлетворяет, как и феномен, не связанный теоретически ни с чем. Но сегодня и взгляды относительно бессознательного крайне разнообразны и вариативны. Говоря о словах, идеях, мыслях и взглядах психология масс, видимо, подразумевает, что в них можно найти причину движения и следования масс.

Ныне это выразилось в обучение искусству управлять толпой. Сотрудников учат правильно говорить. Однако тот предрассудок, говорящий, что форма и структура речи это первопричина послушания, ошибочен. Форма речи это следствие того качества, которое действительно так важно для толпы, и она намекает на это качество. Именно потому психоанализ пришел к убеждению, что важен образ. И правильнее обучать актерскому мастерству и раскрепощенности для управления.

Чернышев в статье «Архетипы древности в русской традиции» иллюстрирует адекватно применение знаний аналитической психологии, применение психических образов в экономике¹. Проблема заключается лишь в том, что, говоря о познания масс и влиянии на массы, социальная психология ставит вопрос о значимости идей и слов. И губительная автономность снова приводит к постановке множества проблем, попросту слепо сформулированных. Так, например, Рукетт создает изящную модель перемещения информации в массах, говоря об «агентах социального познания». Ученый производит классификацию, описывает «агентов» и процесс распространения, следствия и причины возникновения того или иного социального агента. И, к сожалению, все это оказывается определено вне каких либо значимых психологических направлений и без какого либо соотношения с ними. Так понятия и вопросы модели оказываются сформированными независимо. И несмотря на умеренную прикладную ценность приобретенных знаний, для социальной психоло-

¹ Чернышев А. В. Архетипы древности в русской культурной традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 349–356.

гии в целом это неверный шаг, как для перспектив развития, так и для точности предположений.

Пример разрешения вопроса.

Ответы К. Юнга

На этом этапе, когда критика положения психологии масс как отрасли социальной психологии закончилась, необходимо разобрать в качестве примера одно из направлений психологии и показать, каким кардинальным образом в действительности может повлиять ассимиляция психологии этим разделом социальной психологии. Проанализирована будет аналитическая психология Карла Гюстава Юнга. Этот анализ предполагает некоторую взаимность. То есть анализ заключается не в сугубом использовании положений аналитической психологии для критики содержания психологии масс как раздела науки, но и в использовании достижений психологии масс для критики аналитической психологии.

Для реализации задачи мы используем несколько произведений, совокупность которых определяет психологию масс с точки зрения хронологии. В историческом порядке это «Преступная толпа» Сципиона Сигеле, «Психология масс» Гюстава Лебона, «Восстание масс» Хоссе Ортеги-и-Гассета, «Познание масс» Рукетта. Эта хронология поможет нам не только в поиске критикуемых и критикующих идей и фактов. Так легче понять преобразование психологии масс от того момента, когда она развивалась абсолютно независимо в трудах философов и социологов, до того, когда она стала разделом социальной психологии сохранив свою автономность. Первые труды характерны своей простотой и конкретностью языка. Не утрачивая оригинальности, они успешно выполняли именно задачи философии и социологии. Выяснялось значение преобразований для культуры, их смысл, обнаруживались корреляции с предполагаемыми психологическими механизмами. Итог же характерен сложностью терминологии, и разросшимся множеством вопросов, что отчасти характерно для науки, но в довершении к этому можно заметить, что сообразительность и интеллект авторов стали применяться именно для решения локальных теоретических проблем. Эти проблемы не прикладные, говорящие о проработке процесса внедрения в действительность достижений, а теоретические, которые говорят об отсутствии основательной масштабной теоретической основы. И главная цель таких решений поддержать затухающее развитие.

Основу концепции Юнга составляет положение о существовании коллективного бессознательно, насыщенного архетипическими образами. Это основное отличие от классической психоаналитической концепции и достижение ученого. Так как Юнг говорит о существовании психики в различных формах, функционально связанных между собой, то это нам заранее говорит об отличном понимании терминов, обсужденных выше. Определения индивидуальности и личности будут протянуты через понятия личного и коллективного бессознательного. Здесь мы уже можем намекнуть: почему для анализа была взята именно концепция аналитической психологии. В ней понятия индивидуального и коллективного взаимосвязаны сложными механизмами. Здесь не может пойти речь о простой комбинаторике: определяет ли индивид толпу или толпа индивида, ибо коллективное и индивидуальное вообще не предполагают разрыва, а определяются только образом взаимодействия.

Надо отметить, что ход мысли мог повернуться таким образом, чтобы это взаимодействие было обнаружено. Так, например у Лебона появляется выражение «коллективная душа». Независимо от Юнга эта интуиция оказалась очень меткой, так как свойства этой души были Лебоном определены достаточно точно. Это понятие он применяется и в отношении масс, наций, народностей, и в отношении толпы, которая появляется и исчезает. «Сознательная личность исчезает... Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты»¹. В отношении же рас он применяет понятие «душа расы», являющееся, по сути, аналогом для масс. Примечательно, что ученый говорит и об опасности реформаторства: «... И не в нашей власти вызывать в них (социальных организмах) глубокие изменения... Вот почему мания великих реформ бывает очень пагубна для народа, как бы ни казались хороши эти реформы в теоретическом отношении»².

Этот комментарий связывает мысли Лебона с более тонкими конструкциями в теории Юнга, который пишет о том же самом в работе о синхроничности. Более того, если далее развивать идеи Юнга, можно прийти к выводу, что, обладая развитой фантазией и проникая в это смысловое поле, т.е. в схему проекта развития вселенной,

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический Проект, 2012. 240 с.

² Юнг К.Г. Синхрония. М.; Киев, 2003.

можно вносить туда исправления, т.е. формировать будущее. Однако, это весьма опасно, т.к. локальные изменения должны предусматривать последствия (реакцию) других частей схемы... Это относится и к социуму. Тупиковое развитие приводит к катастрофам — наступает реакция коллективного бессознательного, чему Юнг посвятил две статьи: «Бой с тенью» и «Нераскрытая самость». Эта реакция выражается как в войнах, так и в авариях, подобных чернобыльской.

Более косвенное, но аналогичное утверждение можно найти в статье «От беспорядка к коллективному бессознательному», где через понимание коллективного бессознательного как системы мы приходим к аналогичным выводам. О том, что искусственные (рационально-волевые) вмешательства в эту систему приводят к ускорению накопления дефектов, которые должны вывести саму систему из равновесного положения и спровоцировать катастрофу¹.

Также у Лебона мы находим еще одно предположение, описывающее связь индивидуального и коллективного, более того, даже намекающее на диалектическое развитие об отсутствии, которого мы упомянули. Ученый пишет о существовании цикла культурных преобразований. Это переход от дикой толпы к созданию цивилизации, которая затем преумножает индивидуальный эгоизм и приводит к формированию толпы разрушающей цивилизацию. «Личность и ум индивида могут, однако, развиваться, но в то же время коллективный эгоизм расы заменяется чрезмерным развитием индивидуального эгоизма, сопровождающимся ослаблением силы характера и уменьшением способности к действию»². Единственно, здесь Лебон говорит о расе, о судьбе народа и его будущем. Но замечания в отношении культуры, сознательности и индивидуальности указывают на очевидное родство с представлениями Юнга об архетипическом составе коллективного бессознательного и взаимодействия с ним.

Примечательно то, что те замечания, которые описал Лебон, послужили в его работах совершенно иному развитию мысли. Они никак не были связаны с идеями Юнга. «Массовая психология и анализ человеческого Я» как продолжение мысли Лебона

была написана Фрейдом, а не Юнгом. Но именно то, что формулировки и положения могут быть использованы различными концепциями, говорит об их истинности. Они верны сами по себе, как социологический факт, вне всякой теории.

Если же продолжим говорить о взаимосвязях индивидуального и коллективного в работе Рукетта, то обнаружим иной взгляд. По его мнению, природа, как это сразу парадоксально не звучит, отрицает общественность, и потому человеку современности необходимо бороться за себя в обществе, за свою индивидуальность. Сам факт борьбы очевиден. При анализе современной экономической и социальной действительности, видно, что усилий на это требуется все больше. «В недавнем прошлом каждая лавчонка на улице более или менее имела свою специализацию. Таким образом, существовала топография умений-сноровок и торговых точек, чьей умозрительной картой обладал каждый гражданин... Это пространство ныне распалось... В торговых центрах в самых неожиданных сочетаниях соседствуют плоды земли, промысла и духа...»³. Потому, по мнению Рукетта, исчезают профессиональные словечки, культура определенной деятельности, так сказать. Этот экскурс в экономику и культуру точен. Но только игнорирование психологического осмысления нескольких тысяч лет культуры и религии может позволить написать, что «в нашем воображении природа предстает в качестве отрицающей общество»⁴. Ссылаясь на Руссо и Ретифа, Рукетт по всей видимости воспользовался мнением людей, мыслящих реактивно по отношению к насущным социальным проблемам. И отметим: проблемам, связанным с природой достаточно косвенно.

Это отразилось и на другой идее психолога, которая имела больший потенциал. Предположение о поглощении индивидуальности единым «ликом» при слиянии с толпой. Сама идея об обретении некоего лика в толпе созвучна юнгианской модели, как и мысль Лебона о возникновении души толпы. Идея общего лика в данном случае может возникнуть как на теоретической основе, так и эмпирической. Понятие толпы как таковое требует выделения некой общности меж ее индивидов. В этом разногласий среди ученых не возникло. Но обращаясь к эмпирике, Рукетт предпочитает современную социологию и функциональное диф-

¹ Корнильев В.В. От беспорядка к коллективному бессознательному // Психология и психотехника. 2013. № 4. С. 360–370.

² Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический Проект, 2012. 240 с.

³ Рукетт М.— Л. Познание масс. Очерки политической психологии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 272 с.

⁴ Там же.

ференцирование. Причем функции определены исходя из того, что необходимо для существования толпы, а не из того для чего необходима толпа. С одной стороны, такая дифференциация также полезна и правомерна. Однако Рукетт утверждает, что «он (индивид) принимает эту роль (члена массы) только при его поглощении в общую функциональную категорию, которую можно назвать «ликом», когда отдельные индивиды становятся взаимозаменяемыми»¹.

С психологической точки зрения, необходимо обратиться к культуре, антропологии и истории. Так поступает Юнг и приходит к иным выводам. При понимании толпы через коллективное бессознательное, вопрос о функциональной категоризации на уровне вербального взаимодействия и иных материальных действий снимается². Все индивиды заранее обладают функциональной категорией. Их пребывание в массе равноценно. Они формируют ее на основе, которая не предполагает индивидуальности. На основе коллективного бессознательного и его архетипов.

С этой точки зрения, предположение Рукетта является алогичным. Ведь он говорит о приобщении индивида к массе только при его расставании индивидуальностью. Как же тогда возможна хоть какая-то причинная связь между индивидом и массой в рамках его теории? Это справедливо и в том случае, если мы говорим об отдельном признаке. Ведь индивид, а тем более индивидуальность не являются некой совокупностью фрагментарных образований, среди которых можно что-то взять поменять и не повлиять на оставшееся.

Вместе с тем, у Рукетта возникают и идеи, противоречащие изложенной, основанные именно на анализе культурной общности людей. Он анализирует также и отличия, в которых находит, например, причину поражения инков в сражении с малочисленными войсками Кортеса. Но суть в том, что у ученого идея о существовании некоего культурного коллективного резервуара возникла.

Более того, следом за ней автор вводит понятие социальных связей, образующих эмоционально насыщенные узлы. Эти «узлы» представляют собой социальные представления, которые играют ведущую роль в интеллектуальном и эмоциональном восприятии действительности массой. Так Рукетт

описывает связь: «Связь не является построением, назначение которого — понимание и подчинение себе одной части или аспекта материального и культурного окружения; связь является психической и социальной кристаллизацией различных неаргументированных идеологических причастностей, априорно полученных большой социальной группой в определенную эпоху»³. Честно говоря, найти существенное отличие этого определения от варианта определения архетипа достаточно трудно. Не имея перед глазами контекста, мы можем перепутать автора высказывания.

Но, к сожалению, представления и причастности, о которых идет речь, настолько конкретны, что их можно сравнивать со словарями, написанными в различные столетия, когда, обращаясь к Юнгу, уместнее тысячелетия, заключенные в эпосе и этносе, который пишется один раз. Судьба гениальной мысли ученого была определена влиянием социологии. Об этом буквально говорит приведенное далее социологическое исследование. Однако среди видных деятелей психологической науки мы не найдем тех, кто опирался бы на социологические исследования. Для создания психологической теории они слишком поверхностны. Необходима опора на клинические истории, материал культуры и т.п. Да и ценность велосипеда, изобретенного дважды, не увеличивается.

Эта мысль не единственная, испытывавшая негативное социологическое влияние. Вернувшись к известному вопросу о том, определяют ли качества индивида толпу или наоборот, Рукетт формулирует свою уже противоречивую (после высказываний о существовании «ликов») позицию. Он утверждает, что свойства массы никак не определяются свойствами отдельного индивида. В качестве аргументов здесь выступают такие авторитеты социологии, как Дюркгейм и Гурвич. «Каждый раз, когда общественный феномен напрямую объясняется психическим феноменом, можно быть уверенным, что это объяснение ложно»⁴. Не совсем ясно, что подразумевает Дюркгейм, говоря «напрямую», однако положения Фрейда в отношении психологии масс отнести к таковым можно только с большим трудом. Но именно его критикует Рукетт. И снова на основе социологического заключения.

К сожалению, автор не обращает внимание также и на труды Эриха Фромма, или раз уж мы говорим о социологическом, Сципиона Сигеле,

¹ Там же.

² Именно такую классификацию проводит Рукетт, определяя каждого члена массы в зависимости от того, какую роль он играет в коммуникации и сплочении.

³ Там же.

⁴ Там же.

точнее Барбаста, которые предполагают среди базовых антропологических свойств человека деструктивность и тягу к убийству соответственно. «Результатом исследования этого вопроса является предположение о врожденном предрасположении к убийству, о каком-то инстинктивном бешенстве — печальных атрибутах человечества, находящихся могущественную поддержку в склонности к подражанию»¹. В основе же положений Фромма лежит масштабная, проработанная концепция, с которой нельзя не считаться.

Следом за цитированием вышеупомянутых ученых он выделяет психологический механизм подражания. Но если у Барбаста этот механизм вспомогательный, то, по мнению Рукетта, подражание является основным механизмом формирования толпы и массы, имеющим различные причины. Это: расчет, повиновение, дереликция, ассимиляция и аффиляция. Все эти причины имеют одношаговый логический компонент и стимулируют подражание.

Надо сказать, подражание как психологический механизм имеет давнее научное происхождение. И если ему уделяют внимание, то преимущественно как полуприкладному аспекту психологии развития или управления. Сам по себе, механизм подражания был выделен и изучен бихевиоризмом. Это направление, несмотря на его современное перевоплощение, (необихевиоризм) весьма поверхностно изучает человека. Вопрос сознания, как и бессознательного в его глубоком понимании были проигнорированы. Правда, это психологическое направление может позволить себе исследования большого масштаба, подобные социологическим, с качественной выборкой. Но взамен этого глубина постижения психических механизмов человека будет крайне мелка.

Повторимся, что механизм подражания, как и вся поведенческая психология, осуществляют свой вклад в процессы управления коллективом, командой или воспитания ребенка. Однако для объяснения феноменов толп и масс это направление слишком поверхностно изучает человека.

И перед тем как перейти к следующему автору, мы обратим внимание на еще одно замечание Рукетта, имеющее глубокий потенциал. «С тех пор понимание человека и его социального мира перестает казаться подчиненным единой и уменьшающейся форме, которая каждому живущему

дала бы ощущение быть лишенным единичности его жизни. Это желание по сей день постоянно растет, и в этом для нас скрыты глубинные корни обеспокоенности личности в качестве компенсации масс»². Это еще одна мысль, которая могла навести ученого на понимание ошибочности утверждения, что ничто индивидуальное не определяет напрямую массовое. Всякий вывод об общности чего либо, относящегося к массе, может наталкивать на эту идею. К тому же этому, разумеется, уже на тот момент имелось психологическое подспорье в виде статьи Юнга о трансцендентной функции, и множество иных его статей. У Рукетта эта идея завешает главу и остается открытой для дальнейшего использования. Однако неграмотный психологически подход к разрешению этой проблемы опасен. Его необходимо завершить психологически, как это сделал Юнг. Нельзя ставить точку после определения факта, а следует ассимилировать психологическое знание.

Далее мы обратимся к работе уже упомянутого автора Сципиона Сигеле. Напомним, что это сочинение 1892 года. Пока мы обратимся лишь к одному из представленных положений. Так как продолжаем тему взаимоотношения массы, толпы и индивида. Но уже здесь видно богатство прямоты и чувственности чуть более молодой науки.

Сигеле обращает внимание на факт, чрезвычайно значимый для анализа концепции аналитической психологии. Было замечено, что революции и иные массовые возмущения приводят к резкому увеличению числа сумасшедшие людей. Он ссылается на исследования Пинеля и Беломо, относящиеся еще к восемнадцатому веку и середине девятнадцатого. Нам же следует указать на две работы Юнга: «О структуре души» и «О перерождении». Во второй статье Юнг раскрывает: что же для него значит феномен массовости и феномен толпы? Будучи непосредственным участником или лишь косвенно причастным к событию, человек временно утрачивает свою сознательность и индивидуальность. Так он приобщается духовно к полноте некоторого архетипа. Он вступает в глубокий контакт с коллективным бессознательным, проникает в безвременное и внепространственное существование³.

В ритуалах (Юнг преимущественно пишет о них) выбор точки проникновения в или прикосно-

¹ Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М.: Академический проект, 2011. 125 с.

² Рукетт. М.— Л. Познание масс. Очерки политической психологии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 272 с.

³ Юнг К.Г. О перерождении // Синхрония. М.; Киев, 2003.

вения к коллективному бессознательному определяется главным персонажем священнодействия. Он олицетворяет собой некий трансцендентальный образ, архетип, который определяет и состояние людей участвующих или причастных ритуалу. В толпе эту функцию выполняет лидер¹.

В отношении сумасшедших Юнг утверждает, что это, люди утратившие свое адекватное сознание. Это происходит при психозе бессознательных функций человека. Их причина в чрезмерном усилении функции сознания. Это приводит к вытеснению регулирующей функции бессознательного и блокировке его интервенций. Такое длительное отношение к коллективному бессознательному есть причина психоза бессознательной функции. Она поглощает индивидуальность и человек «сходит с ума». В статье «О структуре души» Юнг приводит в пример одного из своих пациентов в психиатрической больнице, который воспроизвел миф о спускающемся с солнца фаллосе, разгоняющем ветер². Хотя тот не имел никаких возможностей где-либо о нем узнать ранее.

Теперь связь с работой Сигеле очевидна. Наблюдения психиатров позапрошлого века буквально объясняются теорией Юнга. Число сумасшедшие во время революции возрастает, так как люди с репрессированным бессознательным ока-

зываются во власти «униженного» ими архетипа. И он поглощает их личность безвозвратно.

В отношении вождей созвучно нам и Юнг высказывается Лебон. Он пишет о том, насколько важно подчинение некой идее самого вожака. Об этом, к слову, кроме Лебона, говорят многие ученые. Только полностью подчинившись определенной идее, лидер сможет подчинить себе толпу. Правда, со ссылкой на Юнга нам становятся прозрачнее отношения подчинения.

Также существует ряд высказываний, которые утверждают присутствие архетипического в координации толпы. Это, в первую очередь, ссылки на значение простого образа, но не сложного термина. Образа понятного и родного для массы. «Итак, значение слов бывает непостоянным, временным и меняется сообразно векам и народам. Если мы хотим действовать этими словами на толпу, то, прежде всего, должны знать, что они означают в данную минуту, а не то, что они некогда означали, или могут означать для индивидов, обладающих другой духовной организацией»³. Или: «управляют толпой не при помощи аргументов, а лишь при помощи образов».

Рукетт вторит Лебону, размышляя о значимости плакатов применительно к влиянию на массу. Их воздействие трудно переоценить. Качественно воздействия они опережают все другие средства СМИ, и именно потому, что являются содержательными образами. Телепередача, как и радиопередача, содержательна, но рассеяна во времени. Эффект воздействия не сконцентрирован, и потому они, в отличие от плаката, не способны на мощную и резкую психическую интервенцию.

Все это снова возвращает нас к понятию архетипа и тому, какую гигантскую роль он играет в отношении масс. Приведенные мысли исследуемых работ, разумеется, социологичны, и авторы уверенно отсылают нас к поверхностным теориям подражания, независимо от принадлежности ученого к сфере социологических или психологических наук и XXI или XX веку. Но это и формирует основную цель нашей работы. Важно показать все укрепляющуюся дифференциацию социологии и социальной психологии, которая парадоксальным образом не привела к сближению с современной психологией.

И в заключение главы мы предоставим еще одну мысль Рукетта, гораздо более тонко и ловко

¹ В статье Юнг не описывает причины достаточно развернуто, больше об этом написано в работе «Борьба с тенью». Но с нашей точки зрения, очевидно, что лидером становится человек, который переживает конфликт сознательности и бессознательности многократно сильнее других. В жизни таких людей утрата и обретение индивидуальности подобна флуктуациям элементарных частиц. Потому в момент формирования толпы и в процессе общей утраты индивидуальности (которая определяется исключительно предрасположенностью, который ныне обладает каждый второй, и нахождением в людской массе) эти люди определяют то, что явится коллективной душой толпы. Некий однобокий архетип, поглотивший одного потенциального лидера, встает во главе толпы. Именно этим определяется непонятная зазомбированность толпы и ее непреклонность, неподверженность интеллектуальному воздействию. У толпы есть одна коллективная душа, представленная архетипом, проникшим в нее через участника, которого наиболее сильно раздрают сознательности и архетипы. (Нельзя удержать от замечания Сигеле о том, что в древние времена ответственность за совершенное злодеяние, не накладывалась на одного человека. Всегда в ответе была вся семья преступника. Виновным считали коллектив, так как душа совершавшая преступления тоже была коллективной.).

² Сознание и бессознательное: Сборник / пер. с нем. А. А. Алексеев. М.: Астрель, 1997.

³ Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический Проект, 2012. 240 с.

намекающую на роль архетипов в вопросе психологии масс. Ученый пишет: «На этом поприще (социального познания) сознание редко бывает накопительным вне некоего периода, потому, что оно никогда не является окончательным: ситуации отвлекают (рассеивают). В этой системе солидарности, по-видимому, нет никакой точки крепления и нет никакого предшества элементов до появления соединений... Требуются стабильная соотнесенность, основа идентификации, поддержка антропологического «прицеливания»¹. Далее следует ссылка на взгляды Руссо, его концепцию природного ориентирования. Философа, социолога, но не психолога. Рукетт, поддерживает точку зрения Руссо о том, что именно природа могла бы стать такого рода антропологическим «прицелом».

Но что есть природа человека? Ведь наибольшую важность имеет именно это понятие, даже тогда, когда мы говорим о понимании подобия природе. Это по существу и есть психологическая основа человека. Именно она должна быть определена для понимания процесса социального познания. Того, почему элементы социального познания не прикреплены исторически ни к какой эпохе, но все же присутствуют в них во всех, предоставляя из себя будто бы метафизическую основу всего познаваемого.

Феномен этот также может быть осмыслен через понятие коллективного бессознательного и его архетипического содержания, которое, по словам Юнга, вневременно и внепространственно. Коллективный опыт составляет природу человека, он насыщает его и определяет способности познания. Вместе с тем его невозможно выразить как-то рационально, он представляет из себя именно образы, доступные только интуитивно-творческому познанию. Потому нет даже предположений, не только о временной принадлежности элементов социального познания, но и о том, что они вообще из себя представляют недифференцированные во времени.

Теперь мы продолжаем анализ, опираясь на понятия мысли и толпы, которые обсудили выше. Само понятие «масса» возникло в науке несколько позднее. Эффект, производимый ею, был замечен уже в XX веке, когда понятие толпы и интерес к феноменам толпы возник гораздо раньше. Следовательно, работу мы начнем с работ Лебона, Рукетта а взгляды Сигеле рассмотрим позже. Мы попробуем обна-

ружить в них мысли, только косвенно связанные с пониманием этой пары понятий толпа и масса. Работа Хоссе Ортеги-и-Гассета целенаправлена на обнаружение того эффекта, который массы произвели одним своим возникновением и определение тенденций такого развития цивилизации. Потому это труд будет значимее для нас при ассимиляции юнгианского взгляда на массы.

Общую задачу мы несколько упростили разбором понятий индивидуального и коллективного и того как они могут взаимодействовать. Теперь это расширенное представление о возможных взаимосвязях мы перенесем в соотношение понимания толпы и массы у выбранных нами авторов.

«Например, столпотворение, таким образом, представляет собой зависящее от обстоятельств случайное проявление массы»². Так высказывается Рукетт. Скажем, что независимо от того, какое именно проявление представляет из себя столпотворение или толпа, ее случайность невозможна по двум причинам. Первая: явление массовости само неслучайно. Можно привести ряд объективных причин увеличения рождаемости и выживаемости в определенные исторические периоды. Сам факт ее появления об этом говорит, в противном случае она не появилась бы. Вторая: трудно вообще утверждать то, что массовость как самостоятельный, значимый общественный феномен могла появиться до толпы. Мы не случайно упомянули об истории возникновения этого научного вопроса. Рукетт утверждает, что масса порождает столпотворение. Но что возникало раньше в более древнее время?

На тот момент, когда массовость не заявила о себе как о феномене, а явления толп активно обсуждались философами и социологами. При отсутствии массовости в современном нашем понимании, как она влияет на культуру, науку и цивилизацию. Согласно Рукетту, необходимо утверждать, что в XVIII веке, если люди оказывались вместе, то быстро возникала массовость, которая затем быстро порождала толпу. Но если быть объективнее, то надо сказать, что просто возникла толпа или не соединять эти феномены односторонней причинной связью. Так же можно предположить, что причиной массовости стали толпы, а не наоборот. И наконец, что массовость и толпа есть два явления одной основы, но не связанные между собой.

С одной стороны, у Рукетта есть замечание, приводящее нас к мысли о связи понятий. «Без

¹ Рукетт М.— Л. Познание масс. Очерки политической психологии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 272 с.

² Там же.

отличительного обозначения не бывает приведенной в движение массы... Однако уже при малейших степенях мобилизации масс знаки отличия, цвета, лозунги, условные знаки, гимны являются вывесками массы»¹. Здесь речь идет более о важности и содержательности знака. Мы же обратим внимание на то, что вышеперечисленные атрибуты необходимы не только толпе, но и различного вида массам. Так их приобретают нации, государства, роды и т.п. То есть потребность символизировать свое содержание и направленность имеют все эти общности, которые являются вариантами масс. Каждая выражает особыми атрибутами свою «индивидуальность», свой тип. Следовательно, мы предположим, что некоторая связь обязана быть.

Толпы сформировать массы и массовость не могли. Это ясно из того, насколько понятие толпы вообще конкретнее и определеннее массовости. К тому же оба эти явления в философском плане самодостаточны сами по себе, чего нельзя недооценивать. В противном случае нам стоит перепроверить естественность понятия массы: не является ли слово «масса» искусственной абстракцией, которую можно выразить через иные термины. Стало быть, либо эти явления лишь сходны по природе, либо массовость действительно причина столпотворений, но мы ее неверно истолковываем.

Если мы вернемся к Юнгу, то поймем, что массовость в аналитической психологии не понимается как особый, отдельный феномен. Это основа психического — коллективность. Коллективное бессознательное, как уже было упомянуто, существует вне пространства и времени. Его единственная временная зависимость заключается в процессе кристаллизации опыта человечества в архетипы.

Эта модель удивительно напоминает нам замечание Лебона, о том, что для формирования толпы нет необходимости в столпотворении. Этот феномен может возникнуть при одновременной подчиненности большой группы людей одним убеждениям и идеям. То есть у Лебона речь идет будто бы о массовости или коллективности, в основе которой лежат архетипы. Модель оказывается слишком конкретной и не привязанной к полномасштабной концепции.

Но рассуждая так, мы пришли к уравниванию понятий массовости и коллективности, и потому идею Рукетта о том, что толпа есть явление массовости (со случайностью мы по-прежнему не согласны) можно пересмотреть. Мы можем подтвердить

предположение ученого при ассимиляции концепции аналитической психологии. Иное понимание массовости подразумевает, что толпа, как феномен поглощения архетипом коллективной души группы людей утративших индивидуальность, действительно является следствием массовости, то есть коллективности как формы существования бессознательной психики. Только применение теории Юнга делает правомерным и обоснованным предположение Рукетта.

Теперь, следуя плану, мы обращаемся к Сигеле. Непосредственно о массах ученый не высказывается, и в принципе не задается задачей разделить и определить понятия толпы и массы. Однако он пишет о состояниях толпы, исходя из ее характеристики возбудимости. Для Сигеле толпа существует как группа людей, потенциально готовая к резкому возбуждению. «Итак, ясно, что толпа, в которой было выражено какое-нибудь состояние, в одно мгновение будет возбуждена, не только чисто внешним образом, но и приведена в самую реальную ярость»². Это высказывание вполне соответствует мысли Рукетта и Юнгианской концепции. Слова о потенциально возбудимой группе людей можно отнести к понятию массы, как группы-представителя массовости или, как теперь можно сказать, коллективности. Понимание Сигеле толпы более неглубокой, но широкой семантики.

Теперь же самое время говорить о возбудимости. Почему толпа возбудима? Что, с точки зрения философии и социологии, послужит этому оправданием? На это мы находим ответ у Хосе Ортеги-и-Гассета. Архетипы выражаются в культуре и произведениях искусства. Там же они закрепляет свою ценность в сознательности человека. Они доказывают свою значимость, занимая особое положение в продуктах человеческой цивилизации.

С аналогичной точки зрения Х. Ортега-и-Гассет раскрывает свое видение упадка культуры. «Теперь они появились все вместе, и куда ни взглянешь, всюду видишь толпу. Повсюду? О нет, как раз в лучших местах, в мало-мальски изысканных уголках нашей культуры, ранее доступных только избранным, меньшинству»³. Вознесенный на пьедестал архетип сброшен со своего законного места, коллективное бессознательное теперь рассматривается с близкого расстояния тупыми, ничего не видящими глазами

² Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М.: Академический проект, 2011. 125 с.

³ Райгородский Д. Я. Психология масс. Хрестоматия. Самара: Бахрах-М, 2010. 592 с.

¹ Там же.

сознания, избитого потребительством и демократией. Но это еще было бы пол беды, но мы находим еще одно замечание закономерно сильнее нас удручающее. Если ранее массы и знали о существовании неприкосновенного, духовного совершенства, о котором говорят самые уважаемые люди со всего мира. То ныне, благодаря урбанизации и притоку толп в места культуры, этот ореол разрушен. И его труднее стало доносить до личностей потенциально направленных на постижение духовного.

Х. Ортега-и-Гассет пишет, правда, не только о культурных памятниках, а обо всем одухотворенном. Он описывает общий порядок вещей: если некто задается целью, неким идеалам, то при достижении своей цели ценность достигнутого разрушается. Это касается, в том числе, и науки, которая ныне передана толпе в научно популярном виде. Ценность научного интереса самого по себе, по словам Ортеги-и-Гассети, упала и скоро исчезнет совсем. Она не исчезла, но, по меткому замечанию автора, интерес к духовному сменился интересом к продуктам духовного. И люди теперь ценят то, до чего они опустили. Теперь они любят не Джоконду, а ее репродукцию, но еще сильнее то, что относится к более понятным для массы вещам, тем, что доставляют плотское удовольствие. Таким же образом посредственные ученые и экспериментально-прикладные науки получают неизмеримо большую финансовую поддержку, чем необходимо, а теоретики фундаментальных направлений в науках — неизмеримо меньшую.

Эти замечания являются по-настоящему ценными для аналитической психологии. Так Ортега-и-Гассет дает возможность окинуть взглядом процесс упадка общества через призму теории Юнга в более упрощенном виде, описав его более широкими «мазками». Примечательно и то, что Ортега-и-Гассет в качестве объективного критерия упадка выделяет упадок жизненной силы. Удивительная параллель с Юнгом, который говорит об утрате либидозной энергии теми, кто утратил адекватную связь с коллективным бессознательным.

Список литературы:

1. Гурвич Ж. Диалектика и социология / пер. с фр. яз. М. М. Кириченко. Краснодар: КубГУ, 2001. 294 с.
2. Друри Н. Трансперсональная психология / пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований; Львов: Инициатива, 2001. 208 с.
3. Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л. Ионина. М.: Ad Marginem, 1997. 528 с.
4. Корнильев В. В. От беспорядка к коллективному бессознательному // Психология и психотехника. 2013. № 4. С. 360–370.
5. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с франц. М.: Академический проект, 2012. 240 с.

Заключение

В данной статье мы выявили предполагаемые нами недостатки современной психологии масс как раздела социальной психологии. Положение психологии масс в системе наук было выбрано неверно. Ее излишняя автономность привела к разрыву научного знания, который оказал негативное влияние на развитие. Психология масс должна больше ассимилировать психологические знания современности. Это расширит ее потенциал и даст новые направления для развития. Взаимосвязь с современными психологическими направлениями могла бы успешно скорректировать как направление развития психологии масс, так и направление развития психологических направлений. По причине существующего научного разрыва многие направления в исследованиях психологии масс предлагают повторно идеи, существующие в направлениях психологии, и гораздо основательнее там аргументированные. Хотя мы не умоляем ценность таковых достижений, ибо они приносят дополнительный материал и отличный вариант ответа на вопрос. Также разрыв определил недалекость психологии масс в некоторых вопросах, в которых психология более компетентна.

На примере анализа теории аналитической психологии и трудов Карла Гюстава Юнга было показано: насколько продуктивным может быть взаимное сотрудничество с психологией масс. Также при анализе замечена большая продуктивность работы ученых более определенных в сфере своего исследования. Так наименее концептуальным и в каком-то смысле продуктивным оказался труд Рукетта «О познании масс».

Задача психологии масс на сегодняшний день — это обширная интеграция с психологическими направлениями и четкое определение своих будущих целей. Это устранил терминологические трудности, разобщенность суждений и идей, откроет новые горизонты для исследований.

6. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2007. 794 с.
7. Райгородский Д. Я. Психология масс. Хрестоматия. Самара: Бахрах-М, 2010. 592 с.
8. Рукетт М.–Л. Познание масс. Очерки политической психологии / пер. с франц. Н. В. Вышинского. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 272 с.
9. Руссо Ж.–Ж. Роман «Эмиль, или О воспитании». Педагогические сочинения: в 2 т. М.: Педагогика, 1981. 652 с.
10. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии / пер. с фр. М.: Академический проект, 2011. 125 с.
11. Сознание и бессознательное: Сборник / пер. с нем. А. А. Алексеева. М.: Астрель, 1997.
12. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». М.: Прогресс, Литера, 1992.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ Москва, 2006. 635 с.
14. Фромм Э. Душа человека. Её способность к добру и злу. М.: Республика, 1992. 430 с.
15. Чернышев А. В. Архетипы древности в русской культурной традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 349–356.
16. Юнг К. Г. Алхимия снов. Четыре архетипа. М.: ПБОЮЛ Медков С. Б., 2011. 311 с.
17. Юнг К. Г. Борьба с тенью // Синхрония. М.; Киев, 2003.
18. Юнг К. Г. О «синхронии» // Синхрония. М.; Киев, 2003.
19. Юнг К. Г. О перерождении // Синхрония. М.; Киев, 2003.
20. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М.: АСТ-ЛТД, Канон+, 1998. 400 с.
21. Юнг К. Г. Психология и религия // Архетип и символ. М., 1991.
22. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное / пер. с нем. В. Бакусаева М.: Академический проект, 2009. 188 с.
23. Юнг К. Г. Структура психики и архетипы / пер. с нем. 2-е изд. Т. А. Ребека. М.: Академический проект, 2009. 302 с.
24. Юнг К. Г. Трансцендентальная функция // Синхрония. М.; Киев, 2003.

References (transliteration):

1. Gurvich Zh. Dialektika i sotsiologiya / per. s fr. yaz. M. M. Kirichenko. Krasnodar: KubGU, 2001. 294 s.
2. Druri N. Transpersonal'naya psikhologiya / per. s angl. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy; L'vov: Initsiativa, 2001. 208 s.
3. Kanetti E. Massa i vlast' / per. s nem. L. Ionina. M.: Ad Marginem, 1997. 528 s.
4. Kornil'ev V. V. Ot besporyadka k kollektivnomu bessoznatel'nomu // Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 4. S. 360–370.
5. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass / per. s frants. M.: Akademicheskii proekt, 2012. 240 s.
6. Maiers D. Sotsial'naya psikhologiya. SPb.: Piter, 2007. 794 s.
7. Raigorodskii D. Ya. Psikhologiya mass. Khrestomatiya. Samara: Bakhrakh-M, 2010. 592 s.
8. Rukett M.–L. Poznanie mass. Ocherki politicheskoi psikhologii / per. s frants. N. V. Vyshinskogo. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2010. 272 s.
9. Russo Zh.–Zh. Roman «Emil», ili O Vospitanii». Pedagogicheskie sochineniya: v 2 t. M.: Pedagogika, 1981. 652 s.
10. Sigele S. Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoi psikhologii / per. s fr. M.: Akademicheskii proekt, 2011. 125 s.
11. Soznanie i bessoznatel'noe: Sbornik / per. s nem. A. A. Alekseeva. M.: Astrel», 1997.
12. Freid Z. Massovaya psikhologiya i analiz chelovecheskogo «Ya» M.: Progress, Litera, 1992.
13. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. M.: AST Moskva, 2006. 635 s.
14. Fromm E. Dusha cheloveka. Ee sposobnost' k dobru i zlu. M.: Respublika, 1992. 430 s.
15. Chernyshev A. V. Arkhetipy drevnosti v russkoi kul'turnoi traditsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2010. № 1. S. 349–356.
16. Yung K. G. Alkhimiya snov. Chetyre arkhetipa. M.: PBOYuL Medkov S. B., 2011. 311 s.
17. Yung K. G. Bor'ba s ten'yu // Sinkhroniya. M.; Kiev, 2003.
18. Yung K. G. O «sinkhronii» // Sinkhroniya. M.; Kiev, 2003.
19. Yung K. G. O pererozhdenii // Sinkhroniya. M.; Kiev, 2003.
20. Yung K. G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: AST-LTD, Kanon+, 1998. 400 s.
21. Yung K. G. Psikhologiya i religiya // Arkhetip i simvol. M., 1991.

22. Yung K. G. Soznanie i bessoznatel'noe / per. s nem. V. Bakusaeva. M.: Akademicheskii proekt, 2009. 188s.
23. Yung K. G. Struktura psikhiki i arkhetypy / per. s nem. T. A. Rebeka. 2-e izd. M.: Akademicheskii proekt, 2009. 302 s.
24. Yung K. G. Transtsendental'naya funktsiya // Sinkhroniya. M.; Kiev, 2003.